
А. Р. ЮСУПОВА
ОГОНЬ НА ДАЙТЬЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.

А Р. Юсупова

Огонь на Дайтье

«Автор»
2026

Юсупова А. Р.

Огонь на Дайтье / А. Р. Юсупова — «Автор», 2026

Что делать, если всё, чему тебя учили с детства, оказалось неправдой? Кави пятнадцать, он пастух, внук жреца, и с малых лет он знает: Богам нужна кровь. Но сердце не соглашается с этим. И в тот день, когда на огонь снова ведут живое, он понимает, что больше не может быть частью этого.Впереди месяцы пути, чужие очаги, жрецы, которые хотят заставить молчать, и город, где за Правду могут бросить в темницу. А на востоке уже собирает войско царь, которому нужна только Ложь.«Огонь на Дайтье» — исторический роман о бронзовом веке, о первых слушателях Заратуштры и о цене выбора.

© Юсупова А. Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая 6
Сказание об Индре 7
Глава 1. Бык для огня 8
Глава 2. Дверь 10
Глава 3. Белый камешек 11
Глава 4. Чужой огонь 12
Глава 5. Барашек 14
Глава 6. Гроза 16
Глава 7. Всадники 18
Глава 8. Брод 20
Глава 9. Брат 21
Глава 10. Река 23
Часть вторая 24
Сказание о двух Духах 25
Глава 11. Плот 26
Глава 12. Огни 28
Глава 13. Человек у воды 30
Глава 14. Вопрос о Гауше 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

А Юсупова
Огонь на Дайтье

Огонь на Дайтье
А. Р. Юсупова

Часть первая

Сказание об Индре

Когда мир был молод, а люди только учились беречь огонь, на небе не было порядка. Богов было много, а вожака у них не было, и каждый тянул стадо в свою сторону. Тогда родился Индра.

Он родился не ребёнком, а воином. Волосы его были рыжие, как степной пожар на закате, а кожа отливала золотом. Когда он шёл по небу, облака расступались, как стадо перед вожаком. Он был силён, как десять быков, и бесстрашен, как волк, у которого отняли детёнышей.

Небесный кузнец Твашта́р выковал для него палицу, что зовётся ва́джрой. Тяжела она была так, что ни один Бог не мог поднять её, кроме Индры. Бросит он палицу — вспыхнет небо, покатится по земле гром, и пастухи в степи прижмутся к траве. Колесница у него золотая, и запряжены в неё два рыжих коня, быстрее ветра.

Но сила воина не берётся из воздуха. Индра любит хаому́, как жаждущий любит воду. Выпьет чашу — и в нём просыпается ярость, от которой горы вздрагивают. Без хаомы он просто воин. С хаомой — тот, кого боится само небо.

И вот случилось: гигантский Змий лёг поперёк неба и запер воды в своём теле. Не шёл дождь, не росла трава, падал скот, и дети плакали у пустых котлов. Боги боялись Змия и прятались за облаками. Только Индра не спрятался. Он выпил три чаши хаомы, взял ваджру, сел на колесницу и помчался на Змия так, что небо потемнело. Три дня и три ночи длилась битва. На четвёртый день Индра ударил, и гром прошёл по всей земле, и Змий раскололся, как гнилое дерево, и воды побежали вниз, в реки и в пастбища. И трава позеленела, и люди запели.

С тех пор его зовут Убийца Змия.

Он щедр к тем, кто чтит его: даёт скот, победу в набегах, зелёную траву. Он покровитель воинов и защитник рода от врагов. Но к врагам он беспощаден, и к тем, кто его забыл: град бьёт их посевы, ураган рвёт их шатры.

И каждую весну он сражается снова, потому что Змий не умирает до конца. Такая битва требует сил. Поэтому люди кормят Бога: хаомой, маслом, ячменём, и когда нужна большая сила — лучшим из стада. Кто кормит Бога, тот кормит дождь.

Так говорят у костров рода Арсама.

Глава 1. Бык для огня

Весна пришла в степь поздно, словно сомневалась, стоит ли возвращаться. Земля давно оттаяла, но ветер всё ещё нёс с севера запах холодного железа, и трава поднималась робко, жёлто-зелёными иглами из чёрной земли.

Кави проснулся до рассвета. Он всегда просыпался до рассвета: «пастух, которого будит солнце, уже опоздал», говорил отец. В шатре пахло дымом, овечьей шерстью и кислым молоком. Он выскользнул наружу, никого не потревожив, и остановился, вдыхая стылый воздух.

Стойбище рода Арсама ещё спало. Двадцать три повозки стояли кругом, как стадо, прижавшееся к вожаку, а посередине, на низком каменном возвышении, горел священный огонь. Он не гас, как рассказывали, с тех времён, когда предки пригнали скот с далёкого севера. Двое сторожей кормили его сухим помётом и ветками можжевельника, и пламя лениво шевелило красным языком, будто перелистывало невидимые шкуры.

Кави прошёл мимо, как учили: не поворачиваясь к огню спиной и не глядя на него прямо. Четырнадцать весен достаточно, чтобы знать правила, и слишком мало, чтобы задавать вопросы вслух.

За кругом повозок, в загоне из жердей, его ждал Гауш, годовалый рыжий бычок с белым пятном на лбу, похожим на отпечаток ладони. Кави выходил его сам. Когда прошлой зимой мать-корова пала от родов, он три недели поил телёнка из рога и спал рядом с ним в тёплой яме у костра. Бычок узнал его по шагам и ткнулся мокрым носом в плечо.

— Пойдём, — шепнул Кави. — Сегодня хорошая трава.

Он почесал бычка между рогами, там, где шерсть ещё не стала жёсткой. Гауш зажмурился и протяжно вздохнул, совсем как старик у огня. Отец говорил, что бычка нельзя баловать, что скотина должна знать своё место. Но Кави делал это каждое утро и не собирался переставать.

Они вышли к холмам вместе со всем стадом. Солнце поднималось медленно, окрашивая степь в цвет мёда, и жаворонки взлетали из травы, как брошенные вверх искры. Кави сел на тёплый камень и стал повторять слова.

Эти слова он учил с семи лет. Дед Аурвасп, жрец рода, вкладывал их в него по одному, как кладут в мешок зерно: имена Индры-Победоносного, слова призыва, порядок возлияний, всё, что нельзя забыть и нельзя переврать, потому что Боги не прощают неточности. Все говорили, что Кави повезло. Внук жреца, он однажды повяжет жреческий пояс, встанет у огня и будет говорить с небом от имени всех.

Слова были гладкими, как речные камни, и такими же холодными. Он перебирал их и не чувствовал ничего. Ему казалось, что он идёт по тропе, которую до него протоптали сотни ног, и каждый его шаг ложится в чужой след. Тропа была верная, так говорили все. Но под ногами у него что-то отзывалось пустотой, как отзывается земля над норой.

Это была глупая мысль. Он прогнал её и пошёл собирать разбредшихся овец.

Вечером, когда стадо вернулось, у огня уже собрались старшие. Дед сидел на шкуре, седой, прямой, с лицом, вырезанным из сухого дерева, и перебирал в пальцах чёрные и белые камешки жребия. Увидев Кави, он поманил его.

— Жребий выпал, — сказал он негромко. — Дар на праздник Весеннего Огня. Лучший бык без изъяна, чтобы Индра принял его и дал роду год без падежа́.

Кави не спросил, какой бык. Он уже знал.

Отец положил тяжёлую руку ему на плечо. В этом жесте была гордость, не жестокость: никто здесь не был злым.

— Честь для тебя и твоего бычка, — сказал отец. — Ты держишь верёвку.

Кави кивнул. Ему было четырнадцать. Он ещё не получил права говорить за себя на совете рода, и всё, что он мог, это молчать так, чтобы это сошло за согласие.

* * *

Ночью огонь раздули высоко. Женщины растирали в каменных ступках стебли хаомы, и тёмный, горький сок стекал в деревянные чаши. Мужчины запели. Голоса сплетались в одну низкую, тянущуюся ноту, от которой дрожали жерди загона и вставали дыбом волоски на руках.

Гауш стоял спокойно. Он не чувствовал ни страха, ни жара, только знакомую верёвку в знакомой руке. Ладонь Кави всё ещё помнила утро: тёплую шерсть между рогами, вздох, закрытые глаза. Бычок повернул голову и ткнулся мокрым носом ему в плечо, как делал каждое утро, когда хотел сказать: «Ну, пойдём уже». Кави не шевельнулся. Если бы он пошевелился, он бы не выдержал.

Дед поднял чашу, и пламя, словно поняв, рванулось вверх. Старый жрец произнёс первые слова, те самые, гладкие, как камни, и впервые Кави услышал, как они звучат со стороны: красиво, гулко, уверенно. Слишком уверенно.

И тогда он увидел.

Дым над огнём не поднимался прямо. Он стелился, закручивался, собирался в нечто, и Кави на мгновение показалось, что из дыма на него смотрят. Не гневно и не жадно. Внимательно, как смотрит тот, кто давно ждал, когда ты наконец заметишь. И вместе с дымом шёл звук. Это был долгий, многоголосый стон, будто в пламени плакали все быки, которых когда-либо отдали огню.

Кави вздрогнул. Верёвка обожгла ладонь.

— Видите! — крикнул кто-то из старших. — Индра принимает дар!

Все подняли головы к дыму, и лица у них были светлыми, радостными. Никто больше ничего не слышал.

Дед шагнул вперёд с кремнёвым ножом. Кави смотрел не на нож, а на огонь. Языки пламени вдруг качнулись и потянулись к востоку, туда, где за холмами лежала тьма, а за тьмой далёкая река, о которой в стойбище говорили только шёпотом.

Когда всё закончилось, он ещё долго стоял, не разжимая ладони. Верёвка была пуста.

* * *

Праздник длился до утра: мясо, смех, песни, жир, капающий в угли. Кави не ел. Он ускользнул за круг повозок, лёг на холодную траву и смотрел на звёзды, такие же равнодушные, как всегда.

Он вспомнил купца, что проходил через стойбище в начале зимы, молчаливого, с лицом, обожжённым южным солнцем. У вечернего костра тот обронил фразу, которую тогда никто не стал слушать: на реке Дайтья появился человек, он говорит, что есть один Бог и что Боги, которым приносят жертвы и подношения, не боги вовсе.

Тогда это показалось Кави смешной небылицей. Теперь он лежал в темноте и думал: а что, если не небылица?

Ему было четырнадцать. Решать было рано. Но дорога под ногами, та самая, верная, протоптанная, уже перестала быть дорогой, по которой он хотел идти.

А над стойбищем, в середине круга, огонь всё ещё тянулся к востоку, словно прислушивался.

Глава 2. Дверь

Утром от Гауша остались шкура на жердях и рога у дальнего костра. Кави не подходил. Он взял посох, свистнул собаку и вывел стадо на другой склон, где не было видно загона.

Со старшим пастухом Туром они делили этот склон третью весну. Тур был кривоногий, бородатый и вечно чем-то недовольный.

— Слыхал, у Заргаров в долине угнали два десятка голов, — сказал он, жуя стебель. — Ночью, без шума. Говорят, из-за гор пришли. Вот потому наш дед и просит Индру, а не лентяев в кустах. Бык огню, зато год мы живы.

Кави кивнул. Сказать ему было нечего. Тур был прав, и от этого становилось ещё хуже.

К полудню овцы вдруг потянулись на восток, все разом, без окрика, словно кто-то позвал их тихим голосом. Тур выругался и пошёл разворачивать вожака. Собака Кави не побежала следом. Она села у его ног, прижав уши, и смотрела туда, куда шло стадо, с тем же выражением, с каким смотрят на воду в половодье. Над степью стояла тишина: ни одного жаворонка.

Он вернулся в сумерки. Дед Аурвасп сидел один у малого костра за повозками, прямой, как всегда. Кави остановился в трёх шагах.

— Сядь, — сказал дед.

Дед не начинал. Потом заговорил, как произносят положенные слова, без пауз и без интонации:

— Индра бьётся с чудовищем, что запирает воды. Ему нужна сила. Силу даёт жертва. Хаома: сок, молоко, вода. Что не выпито, отдаётся огню. Топлёное масло, чтобы пламя было высоким. Поджаренный ячмень и пресные лепёшки для его коней. Для большой силы — кровь и мясо. Лучшее из стада. Так положено.

Кави слушал. Он знал это с семи лет. Но впервые слышал, как дед произносит это без единой дрожи в голосе, будто читает закон.

Они молчали долго. Наконец старик заговорил, не поворачивая головы:

— Ты смотрел на огонь, а не на нож. Я видел.

Кави похолодел.

— Жрец, — продолжал дед ровно, — это дверь. Через него проходят слова от людей к Богам и от Богов к людям. Он не любит и не жалеет. Если он начнёт чувствовать, слова застрянут, и тогда погибнет весь род.

— А если дверь что-то слышит? — выговорил Кави.

Дед не ответил. Пальцы его, перебиравшие камешки, на мгновение замерли. Потом он сказал тихо, но твёрдо:

— Ты слышишь то, что слышат все. И ничего больше. Это приказ деда и это слово будущего жреца. Ты понял?

— Понял, — сказал Кави.

Он поднялся и ушёл, не оглядываясь. Но за спиной, в темноте, ему показалось, что старик остался сидеть слишком неподвижно. Так сидят не те, у кого нет чувств, а те, кто очень хорошо научился их прятать.

Той ночью ему снился берег. Широкая река, серая, как расплавленное олово, и на другом её берегу стоял Гауш, живой, с белым пятном на лбу. Он не звал и не мычал, просто стоял и смотрел. Кави хотел шагнуть в воду, но ноги не слушались. Тогда бычок повернул голову к востоку, туда, где небо уже светлело. И Кави проснулся, ещё не зная, что запомнит этот сон лучше всех своих слов, выученных наизусть.

Глава 3. Белый камешек

Срок Кави узнал случайно, так, как узнают всё важное: за повозкой, куда он пошёл за хворостом.

Старшие сидели у малого костра и говорили негромко, как говорят об уже решённом.

— На Летний Огонь и повяжем, — сказал отец. — Жрец так решил. Пусть начинает стоять у огня на правах ученика. Дальше с поясом не ходят за овцами.

— Слишком рано, — вставил кто-то.

— Рано или поздно, а мальчик готов. Его слова без ошибок.

Кави стоял за повозкой, прижавшись спиной к тёплому дереву колеса, и чувствовал, как внутри что-то тихо закрывается, словно дверь. Не его. Та, что вела к жреческому поясу.

Его лицо осталось спокойным. Недаром он учился этому у деда.

* * *

Последний день он прожил так, будто ничего не менялось. Выгнал стадо, повторял слова, слушал ворчание Тура. Только смотрел он иначе, словно уводил каждую мелочь в память: как овцы щиплют траву, как пахнет нагретый камень, как жаворонок снова поднимается над степью, хотя вчера было тихо.

Собака лежала у его ног, пока он сидел на камне. Её звали Бура, за серую шерсть. Она была обыкновенной пастушьей собакой, но в этот вечер поводила ушами всякий раз, когда он шевелился, и не спускала с него глаз.

Под вечер он зашёл за круг повозок, к тому месту, где похоронили кости Гауша. Бугорок уже порос тонкой зелёной травой. Кави не стал произносить слов. Он просто положил ладонь на тёплую землю и посидел так, пока не стемнело.

Дома он взял из угла шатра старый рог, тот самый, из которого зимой поил телёнка. Он сунул его за пазуху, вместе с куском сыра, вяленым мясом и кремнём. Больше ничего. Каждый его шаг до этого дня ложился в чужой след. Теперь ему предстояло увидеть, какие следы оставляет он сам.

Дед сидел у малого костра, как всегда, но в эту ночь его шкура была пуста: он ушёл к огню готовить обряд. Кави подошёл и положил на шерсть один камешек, белый, гладкий, с ручья. В дедовом мешочке белый означал «да». Или «пусть». Или «иди». Почти никто не знал, что именно.

Потом он заметил, что Бура стоит рядом, и не стал её отсылать.

* * *

Первую ночь в степи он провёл без огня. Впервые в жизни не было рядом ни одного человека, ни одной повозки, и даже звёзды над головой были какими-то другими, ближе и холоднее. Бура легла у его бока, и от неё шло одно-единственное знакомое тепло.

Он не спал. Когда луна поднялась высоко, он услышал звук. Не стон, как в тот вечер. Тихий шелест, словно трава касалась травы, и шёл он не со всех сторон, а одной линией, туда, куда уходил ветер. Кави поднялся на локти. Далеко по траве бежала полоса серебристого света, тонкая, как тропа, и уходила на восток.

Он не знал, видит ли он сейчас что-то или только хочет видеть. Бура не зарычала, не завыла, просто долго смотрела туда же, а потом тихо вздохнула и положила голову ему на колено.

Утром он увидел, что слева, далеко, над холмами поднимается дым. Не тот дым, что у его стойбища, а тонкий, белый, чужой. Кто-то жил там, где он никогда не был.

Он поднял посох и пошёл на дым. Бура побежала впереди.

Глава 4. Чужой огонь

Дым вёл его весь день. Тонкий, белый, он поднимался из-за гряды холмов и не менялся, словно кто-то держал его на нитке. Кави шёл к нему до сумерек, и Бура бежала впереди, то исчезая в траве, то возвращаясь, чтобы убедиться, что он не отстал.

Это оказалось не стойбище. В лощине, между двух пологих склонов, догорал костёр. Рядом стояла повозка с обломанным колесом, дышло лежало в траве, а на земле расплескалось молоко: белое пятно уже затянулось пылью. Мешки были вспороты, зерно высыпано. Кто-то уходил отсюда быстро и не по своей воле.

Бура замерла, повела носом и пошла к оврагу. Кави окликнул её, но она не вернулась. Он пошёл следом, сжимая посох.

На дне оврага, прижавшись спиной к земляной стенке, сидел человек. Молодой, лет двадцати пяти, обросший, в разорванной рубахе. Левая нога была перетянута тряпкой, пропитавшейся тёмным. В руке он держал нож, и остриё смотрело на Кави.

— Стой, — сказал человек хрипло. — Дальше не подходи.

Кави остановился. Бура села между ними, не рыча, и переводила взгляд с одного на другого.

Человек смотрел на его запястье. Там, под рукавом, сползла красная нить, какую носят дети рода Арсама.

— Арсама, — произнёс он, будто выплюнул. — Вас послали?

— Никто меня не посылал, — сказал Кави. — Я ушёл сам.

— Мальчики из таких родов не уходят сами. Они приходят за теми, кого велит привести жрец.

— Я не пришёл за тобой. Я пришёл на дым.

Нож не опустился. Но рука дрогнула, и Кави увидел, что человек очень устал и очень хочет пить.

Он медленно снял с пояса кожаный бурдюк с водой и положил на землю, а рядом кусок сыра и сушёного мяса, и отступил на три шага. Бура, словно поняв, подвинула бурдюк носом.

Человек долго не двигался. Потом схватил бурдюк, жадно пил, проливая на подбородок, и ел так, будто не ел несколько дней. Нож лежал рядом.

— Фрада, — сказал он наконец, не поднимая глаз. — Меня зовут Фрада.

— Кави.

Фрада усмехнулся, коротко и горько.

— Кави. Хорошее имя для того, кто служит старым Богам.

Кави не понял, что в этом смешного, но промолчал.

* * *

Ночью похолодало. Фрада боялся огня: по нему могли найти. Но когда зубы у него начали стучать, Кави сложил в ямке сухой помёт и кору, высек искру кремнём и раздул пламя. Это был его первый собственный огонь, не такой, как огонь рода. Без жреца, без слов, без хаомы. Маленький, жёлтый, он пах дымом и степной полынью.

Кави сел и стал смотреть.

Сначала в пламени были просто языки. Потом они сплелись, потянулись вверх, и между ними что-то шевельнулось, как тогда, у огня рода. Тот же взгляд, внимательный, без гнева. Кави не отвёл глаз. Внутри не было страха, только тишина, ровная, как поверхность воды.

— Ты смотришь в него, как в лицо знакомого, — сказал Фрада.

Кави вздрогнул. Он забыл, что тут есть кто-то ещё.

— Я не…

— Не отпирайся. Я видел, как смотрят дети жрецов на огонь. Со страхом. Или с жадностью. Ты смотришь иначе.

Кави промолчал. Фрада долго разглядывал его через пламя, потом спросил тихо:

— Что он просит у тебя?

— Кто?

— Тот, кто там.

Кави задумался. Он хотел ответить, как учили: Индра требует хаому, масло, быка. Но слова застряли.

— Ничего, — сказал он. — Он ничего не просит.

Фрада закрыл глаза, и по его лицу пробежало что-то похожее на облегчение, словно он услышал то, что ждал.

— Тогда ты идёшь правильной дорогой, — сказал он. — Хоть ещё и не знаешь, куда.

* * *

Утром он рассказал. Не всё, кусками, нехотя. Он из рода на востоке, за двадцать дней пути отсюда, у большой реки. Там появился человек, который говорит, что Боги, которым несут кровь, не боги. Он говорит, что есть один, и что ему не нужны ни быки, ни хаома. Родичи Фрады не простили ему, что он пошёл за этим человеком. Его гнали три дня.

— Ты видел его? — спросил Кави. Голос у него сел.

— Один раз. Издалека.

— Какой он?

Фрада посмотрел на восток, туда, где за холмами вставало солнце.

— Не знаю, как сказать. Он говорит, и тебе кажется, что ты это уже знал.

Кави молчал. Бура лежала у его ног, а на востоке небо медленно светлело.

— Мне нужно туда, — сказал Фрада. — Нога заживёт, если мне помогут дойти. А ты…

— Я иду на восток, — сказал Кави. — Туда же.

Фрада долго смотрел на него. В этом взгляде не было ни благодарности, ни доверия, только трезвый расчёт. Фрада не верил мальчику из рода Арсама, но был не глуп: у Кави были еда и вода, а у него самого только больная нога, и держаться стоило того, у кого есть то, без чего в степи не выжить.

— Нога у меня одна, еды нет, — сказал он наконец. — Пойдём одной дорогой. Но спать я буду с ножом, и ты это знай.

Кави кивнул.

Он не спросил, на какую реку. Он знал.

Глава 5. Барашек

Еда закончилась на пятый день.

Первые дни они шли медленно, потому что Фрада хромал и каждую сотню шагов садился отдыхать. Кави делил сыр и сушёное мясо на четыре части: две Фраде, одну себе, одну Буре. Потом сыр кончился. Потом мясо.

Но Кави был пастухом. Он умел то, чего не умел Фрада.

Пращу он носил обмотанной вокруг пояса с тех пор, как ему исполнилось восемь. Теперь он вынул её, подобрал в сухом русле гладкие камни и стал бить сусликов. Первый камень ушёл в траву. Второй попал. К вечеру у них было три суслика, и Бура утащила четвёртого прежде, чем Кави успел её остановить. Он находил дикий лук по запаху, выкапывал луковицы тюльпанов, которые в сыром виде горчили, а в золе становились сладкими, и однажды принёс в подоле несколько яиц куропатки.

— Ты лучше, чем мой старший брат, — признал Фрада, жуя печёную луковицу.

— Я просто пастух.

— Вот именно.

Но суслики были мелкие, а от луковиц пучило живот. Нога у Фрады заживала плохо: ей нужно было мясо, а не трава. На седьмой день он перестал разговаривать и только шёл, глядя под ноги.

К вечеру они увидели костры.

Кочевники встали на пологом склоне над ручьём: чёрные войлочные шатры, дым, стадо овец на выпасе. Кави остановился и впервые за много дней почувствовал, как у него свело живот. Не от голода. От знакомого запаха: овечьей шерсти и кислого молока.

— Надо просить приюта, — сказал он. — Гостя нельзя прогнать. Это закон.

— Закон, — повторил Фрада и сел на землю. — Хорошо. Ты подойдёшь к ним и скажешь, что ведёшь хромого беглеца из рода, что гонит тех, кто верит в человека на реке. Они выслушают тебя, накормят, а утром отправят гонца к моим. Здесь все знают друг друга, Кави.

— Откуда ты знаешь, что весть уже разослана?

— Оттуда, что я бы так и сделал.

Кави смотрел на огни. Он вспомнил, как отец всегда говорил: гостя нельзя тронуть, пока он под твоей крышей. Но он вспомнил и то, как дед говорил о законах: что они нужны, чтобы род выжил. Что, если закон, который его кормил, сейчас убьёт человека рядом?

— Тогда что? — спросил он.

Фрада не ответил. Но Кави понял.

Они дождались, пока костры погаснут. Бура лежала в траве, дрожа от напряжения, пока Кави полз к краю загона. Ночь была тёмная, тихая. Овцы дышали, и пахло так, будто он снова оказался дома.

В загоне спали молодые барашки, отдельно от матерей. Кави положил ладонь на тёплый бок и нащупал самого мелкого.

Прежде чем поднять его, он снял с запястья красную нить, ту самую, что носили дети рода Арсама, обмотал ею серебряный наконечник от посоха, отцовский подарок, единственную серебряную вещь, что у него была, и привязал к колышку загона. Он не знал зачем. Он только чувствовал: если не оставит, то кто-то внутри него будет считать это воровством. А воровство, понял он позже, оставляет следы глубже, чем нож.

Потом он поднял барашка. Тот не успел даже вскрикнуть.

Тогда залаяли собаки. Они выскочили из темноты, огромные, лохматые, с глазами, горевшими, как угли. Кави побежал. Бура бросилась им навстречу, прикрывая его, и он слышал её рычание, визг, топот. Когда он выскочил на склон, Фрада уже ждал, с ножом, на одной ноге.

— Бегом! — крикнул он.

Они бежали до рассвета. Бура догнала их у реки, с порванным ухом, тяжело дыша, и Кави упал на колени и обнял её.

Барашка съели к полудню. Мясо было молодое, пахло молоком. Фрада ел молча, потом сказал:

— Ну вот. Теперь мы воры.

И тут увидел его запястье.

— Где нить?

— Осталась там. Я заплатил.

Фрада вскочил, забыв про ногу.

— Ты оставил им нить Арсамы? Они узнают, из какого ты рода! Они пойдут по следу!

— Пусть знают, что мы взяли, а не украли.

— Это одно и то же!

— Нет, — сказал Кави. — Не одно.

Фрада долго смотрел на него.

— Дурак, — сказал он наконец. — Но, может быть, честный дурак.

Это было первое, что он сказал не как враг.

Глава 6. Гроза

Жара пришла на девятый день.

Небо над степью стало белым, трава жёлтой, и даже ветер, что всегда дул с севера, стих. Фрада шёл медленнее, чем обычно: нога почти зажила, но от зноя он слабел. Бура шла, высунув язык. Кави снял войлочную шапку и повязал вокруг шеи мокрую тряпку.

К полудню на востоке появилась тучка. Маленькая, тёмная, она росла и росла, и вскоре заняла полнеба.

Кави остановился.

— Что? — спросил Фрада.

— Это он.

— Кто?

— Индра.

Фрада посмотрел на тучу, потом на Кави, и в его глазах не было насмешки.

— Тогда лучше найти овраг, — сказал он.

Они едва успели. Первый удар грома прокатился по степи, как будто кто-то уронил гору. Потом ветер ударил, подняв пыль, и мир стал серо-жёлтым. Бура забилась Кави под мышку. Он втолкнул Фраду в расщелину и сам протиснулся следом, прижимая собаку к груди.

И тогда небо раскололось.

Кави видел это сквозь щель, между камнями. Молния ударила в степь, в сотне шагов, и на мгновение вся равнина стала белой, как кость. Следом пошёл град: крупный, как перепелиные яйца. Он стучал по камням, по спине, и Кави слышал, как где-то далеко кричит ветер.

Он подумал о сказании. О рыжем воине на золотой колеснице. О палице, что рождает молнию. Он видел это не глазами, а всем телом: гнев, силу, красоту. Это не было злом. Это было могучее, живое, и оно знало, чего хочет.

— Он очень сильный, — прошептал Кави. — Я учу его имена семь лет и никогда не думал, что он такой живой. Как можно не чтить того, кто так прекрасен?

Он сказал это и сам испугался: впервые это был не вопрос о том, правильно ли он идёт, а о том, правильно ли он уходит.

— Я слышу, — сказал Фрада. Он говорил спокойно, словно слушал не грозу, а знакомую песню. — Может быть, это только сила неба, Кави. Но не бог.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Так мне сказали.

Новая молния ударила рядом. Кави зажмурился, а когда открыл глаза, в белом ослепительном свете, на одно короткое мгновение, он увидел то самое. Тот же взгляд, внимательный, без гнева, посреди бури. Как будто оно стояло в центре грозы и не двигалось. Не гром, не ветер, не ярость. Тишина внутри.

Потом свет погас.

Они сидели в овраге до сумерек. Когда гроза ушла, степь пахла мокрой землёй и полынью, а небо на западе стало розовым, как внутренность раковины. Они развели костёр из веток, принесённых бурей, и сели рядом, дрожа в мокрой одежде.

— Хочешь знать, почему я пошёл? — спросил Фрада.

Кави кивнул.

— У меня была сестра. Совсем маленькая, лет девяти. Она заболела лихорадкой, и жрец сказал, что нужно две коровы в дар Индре. Отец отдал. Сестра умерла всё равно. А жрец сказал, что дали мало. — Он помолчал. — Через месяц я услышал его. Человека у реки. Он стоял на камне, окружённый людьми, и говорил, что есть Правда и есть Ложь, и что каждый сам выбирает. Не жрец, не род. Сам.

— И ты выбрал.

— Я выбрал. Но я за это поплатился.

Он показал запястья. На них темнели глубокие рубцы от верёвок. Потом он размотал тряпку на ноге: рана от копья, едва затянувшаяся.

— Это от тех, кто гнал меня из стойбища.

Кави смотрел в огонь. Он вспомнил белый камешек, оставленный деду. Вспомнил барашка. Вспомнил, как стоял у колышка и повязывал нить.

— А если я выберу неправильно? — спросил он.

— Тогда узнаешь, — сказал Фрада. — Но выбирать придётся.

Бура положила голову Кави на колено и вздохнула. На востоке, где-то далеко, ещё грохотало, но уже тихо, как уходящее стадо.

Глава 7. Всадники

Они увидели пыль на пятнадцатый день.

Три всадника шли с юга, на рыжих конях, быстро, и пыль за ними поднималась жёлтым столбом. Кави заметил их первым: они с Бурой пили из мелкого ручья, а Фрада сидел чуть выше, на склоне, за кустом.

— Прячься, — шепнул Кави.

Фрада нырнул в заросли. Кави остался у воды. Он сделал вид, что поит собаку.

Всадники подъехали шагом. Трое мужчин, в кожаных куртках, с копьями у седла. Старший, с шрамом через бровь, остановил коня в трёх шагах.

— Мальчик, — сказал он. — Один?

— Один.

— Откуда?

Кави открыл рот и закрыл. Он всегда знал, что отвечать. Слова деда были гладкими, как камни, и ложились на язык сами. Но здесь они застряли.

— С запада, — сказал он наконец. Это была правда.

— Хромого мужчину не видел? Молодого, с раной на ноге. Он беглец. Он предал род.

Кави смотрел на копыта коня. Он чувствовал, как кровь стучит в ушах, как Бура рядом напряглась, готовая зарычать. В зарослях за его спиной не двигалась ни одна ветка.

— Видел, — сказал он.

Всадник подался вперёд.

— Где?

— Он шёл на юг. Два дня назад. Я его не трогал.

Это была ложь. Первая в его жизни, настоящая, сказанная в лицо живому человеку. Слова вышли гладкие, как всегда, но внутри остались острые, как осколки.

Старший всадник долго смотрел на него.

— У кочевников с юга украли барашка, — сказал он. — Оставили нить рода Арсамы и серебро. Говорят, мальчик, лет четырнадцати. Ты не он?

Кави почувствовал, как на запястье, там, где раньше была нить, кожа стала белой и тонкой. Он спрятал руку за спину.

— Я пастух, — сказал он. — Я иду к дяде. На восток.

— Какой род?

Он не мог назвать свой. Не мог выдумать чужой.

Бура зарычала.

Всадник вдруг усмехнулся, почти беззлобно.

— Иди, — сказал он. — Мальчишка. Мы не за детьми гонимся.

Они развернули коней и ускакали на юг, туда, куда Кави указал. Пыль осела не сразу.

Фрада вышел из кустов только через час. Лицо у него было серое. Нож он всё ещё держал в руке, и пальцы побелели от напряжения.

— Ты солгал, — сказал он тихо.

— Да.

— Для той Правды, о которой говорит он, — Фрада кивнул на восток, — это плохо.

— Я знаю.

— Но я жив.

Кави сел на землю и обхватил колени. Его трясло, но не от страха. От чего-то другого, нового, чему он не знал названия. Он вспомнил деда, перебирающего камешки жребия: чёрный и белый. Вспомнил, как тот говорил: Боги не прощают неточности.

А что, если неточность спасает жизнь?

Фрада сел рядом. Он не стал ничего говорить. Просто положил руку ему на плечо, коротко, как кладут на плечо брату.

— Пойдём, — сказал он потом. — Они вернутся.

Они пошли на восток. Бура бежала впереди, и в её походке было что-то новое: она знала, что теперь они втроём.

Вечером, у костра, Кави достал рог, тот самый, из которого когда-то поил Гауша, и долго держал его в руках. Он не молился. Он не знал, кому. Но в пламени снова что-то шевельнулось, и ему показалось, что оно смотрит на него не с укором, а с тихим пониманием. Как будто тот, кто там, давно знал, что выбирать придётся и ему тоже.

Глава 8. Брод

К броду они вышли на семнадцатый день.

Река была не та, которую искали, а один из её притоков, широкий и мелкий, с песчаными косами. На берегу стояли повозки, горели костры, пахло дымом, лошадьми и жареным мясом. Купцы с юга и востока торговали солью, медью, тканями, и говорили на таком количестве наречий, что Кави перестал различать слова.

Фрада натянул на голову тряпку так, чтобы закрыть лицо.

— Не смотри ни на кого, — шепнул он. — И не говори, откуда ты.

— Я не собирался.

— Ты и не умеешь врать, — сказал Фрада. — Это видно за версту.

Они держались краем лагеря, у воды, где никто не толпился. Бура шла рядом, прижав уши. Кави был голоден: еда давно кончилась, а последнюю неделю они жили на сусликах и луковицах. И вдруг, у дальнего костра, он увидел знакомое лицо, обожжённое южным солнцем.

Купец тоже заметил его. Он поднял голову, прищурился и медленно отложил кусок лепёшки.

— Внук жреца, — сказал он негромко, когда Кави подошёл. — Тот, что слушал.

— Я не слушал, — сказал Кави. — Я вспомнил.

Купец улыбнулся одними глазами.

— Это одно и то же, только в другом порядке. Садись. Тебя зовут Кави. Меня Дарег. Этого, — он кивнул на Фраду, замершего в двух шагах, — можно не представлять.

Фрада сжал нож.

— Не надо, — мягко сказал Дарег. — Если бы я хотел выдать тебя, парень, я сделал бы это час назад. Садитесь оба.

Они сели. Дарег подвинул им лепёшки, сушёные абрикосы, бурдюк с кислым молоком. Они ели молча, как едят очень голодные люди. Бура получила кость.

— Слушайте, — сказал купец, когда они закончили. — На броде каждый день появляются всадники. Одни ищут беглого сына. Другие ищут внука жреца. Третьи просто спрашивают, не видели ли чужаков. Вы не первые, кого я прячу, и не последние.

— Зачем? — спросил Фрада.

Дарег посмотрел на него ехидно и ничего не ответил.

Ночью он спрятал их в повозке, под связками шкур. Бура лежала между ними, не издавая ни звука. Кави слышал, как плещет вода, как ржут лошади, как кто-то спрашивает у Дарега про двух чужаков, и голос купца, ровный и скучный, отвечает, что нет, никого, одна соль.

Повозка перебралась через брод на рассвете. Вода была ледяной и доходила до оси. Кави лежал в темноте и думал о реке, которая приснилась ему в ту ночь. Та была шире.

На другом берегу Дарег остановил повозку и откинул шкуры.

— Пять дней пути, — сказал он, показав на восток. — Река будет такой, что вы поймёте сами.

— А тот человек? — вырвалось у Кави. — Он какой?

Дарег задумался.

— Говорят, он спрашивает не «чей ты». Он спрашивает: «что ты выбираешь».

Он тронул лошадей и уехал, не оглядываясь. Фрада смотрел ему вслед.

— Странный торговец, — сказал он.

— Да, — сказал Кави.

Глава 9. Брат

На третий день после брода они увидели одинокого всадника.

Он ехал с юга, один, на высоком гнедом коне, и вёл в поводу второго, навьюченного. Фрада заметил его первым и замер.

— Прячься, — сказал Кави.

— Нет, — сказал Фрада. — Это мой брат.

Всадник подъехал ближе, и Кави увидел, что ему лет тридцать, что он широк в плечах и что на лбу у него тот же упрямый излом бровей, что и у Фрады. Он спрыгнул с коня и остановился, не доходя трёх шагов.

— Фрада, — сказал он.

— Рагха.

Они обнялись так, как обнимаются люди, давно считавшие друг друга мёртвыми. Рагха долго держал брата за плечи, потом отстранил и оглядел ногу, рубцы на запястьях, обросшее лицо.

— Жив, — сказал он. — Тебе повезло.

— Мне повезло, что ты перерезал мои верёвки, — тихо сказал Фрада. — На третью ночь. Я не успел тебя поблагодарить.

Рагха отвёл взгляд.

— Не надо.

— Кави, — сказал Фрада, — это мой старший брат Рагха.

Рагха повернулся к мальчику. Взгляд его был тяжёлым, без злобы, но и без тепла.

— Арсама, — сказал он.

Фрада кивнул на Кави.

— Он спас меня. Дважды.

— Я знаю. Всадники с юга рассказывали. Они вернулись без тебя и злые, как волки. Один из них сказал, что мальчишка с собакой видел тебя на юге. Что он врёт, они поняли только на третий день.

Кави опустил глаза.

— Это ты им сказал? — спросил Фрада, повернувшись.

— Да.

Фрада молчал. Потом сел на землю, опершись на локти, и долго смотрел перед собой.

Рагха сел рядом. Он вынул из тюка бурдюк с водой, хлеб, вяленое мясо, чистую тряпку для раны и положил рядом с Фрадой, не говоря ни слова. Бура лежала у ног Кави, настороженно глядя на нового человека.

— Я приехал предупредить, — сказал Рагха наконец. — Род объявил тебя проклятым. Отец не выходит из шатра. Жрец требует найти тебя и привести. Следом за вами идут люди. Не те, что были на юге, другие.

— Знаю, — сказал Фрада.

— И ещё. — Рагха повернулся к Кави. — Твой род тоже ищет тебя. Нить Арсамы нашли у кочевников. Твой отец послал четверых.

Кави почувствовал, как внутри всё сжалось.

— А дед?

Рагха посмотрел на него внимательно.

— Жрец Аурвасп, — сказал он медленно, — никого не посылал. Когда спросили, где мальчик, он сказал: «Он ушёл по своей воле». И всё.

Кави не сразу понял, что слышит. Потом перед глазами встал белый камешек на пустой дедовой шкуре. «Да». Или «пусть». Или «иди».

Он отвернулся к костру, который они не развели, и долго смотрел на пустую землю.

Рагха остался до вечера. Он помог Фраде перевязать ногу и оставил им второго коня с поклажей. Когда он садился в седло, Фрада поднялся, подошёл к нему и сказал тихо:

— Береги отца.

— Береги себя, — ответил Рагха.

Он тронул коня, но на мгновение придержал его и посмотрел на Кави сверху вниз.

— Ты не такой, как я думал, внук жреца.

— Какой? — спросил Кави.

— Не знаю, — сказал Рагха. — Но мой брат за тебя поручился, а он не из тех, кто ошибается дважды.

Он ускакал на юг, и пыль за ним медленно оседала в вечернем свете.

В ту ночь Фрада положил нож на землю, перед тем как заснуть, и не взял его в руку.

Глава 10. Река

Они увидели её на пятый день, ещё до рассвета.

Сначала Кави подумал, что это туман. Серая полоса лежала по самому краю земли, неподвижная, без начала и конца, и в ней не было ни одной линии, ни одного берега. Потом ветер дрогнул, и туман сдвинулся, и под ним открылась вода.

Дайтья была шире любой реки, которую он видел. Серая, как расплавленное олово, она лежала спокойно, но под этим спокойствием чувствовалась сила, как у спящего зверя. На другом берегу, едва различимые в дымке, тянулись огни. Много огней. Больше, чем он мог сосчитать. Они не мерцали, как огонь стойбища, а горели ровно, как звёзды, которые кто-то поставил рядом.

Фрада остановился. Он снял с плеча мешок, опустил на землю и стоял молча, глядя на воду. Лицо у него было такое, какого Кави у него никогда не видел.

— Это здесь? — спросил Кави.

— Да.

Бура подошла к воде, понюхала и села, глядя на другой берег.

Кави достал рог, тот самый, из которого он поил Гауша, когда тот был телёнком. Он спустился к воде и зачерпнул им. Вода была холодной и пахла камнем и чем-то ещё, неуловимым, что невозможно было назвать. Он поднёс рог к губам и сделал глоток.

Потом он поднялся. Солнце вставало за рекой, и по воде от дальнего берега к его ногам протянулась тонкая полоса серебристого света, такая же, как та, что показывалась ему в ту ночь.

Он смотрел на неё долго.

— Нужно искать лодку, — сказал Фрада.

— Некогда. За нами идут.

— Тебя могут не пустить. Ты из рода Арсама. Ты внук жреца.

— Знаю.

— Ты можешь вернуться.

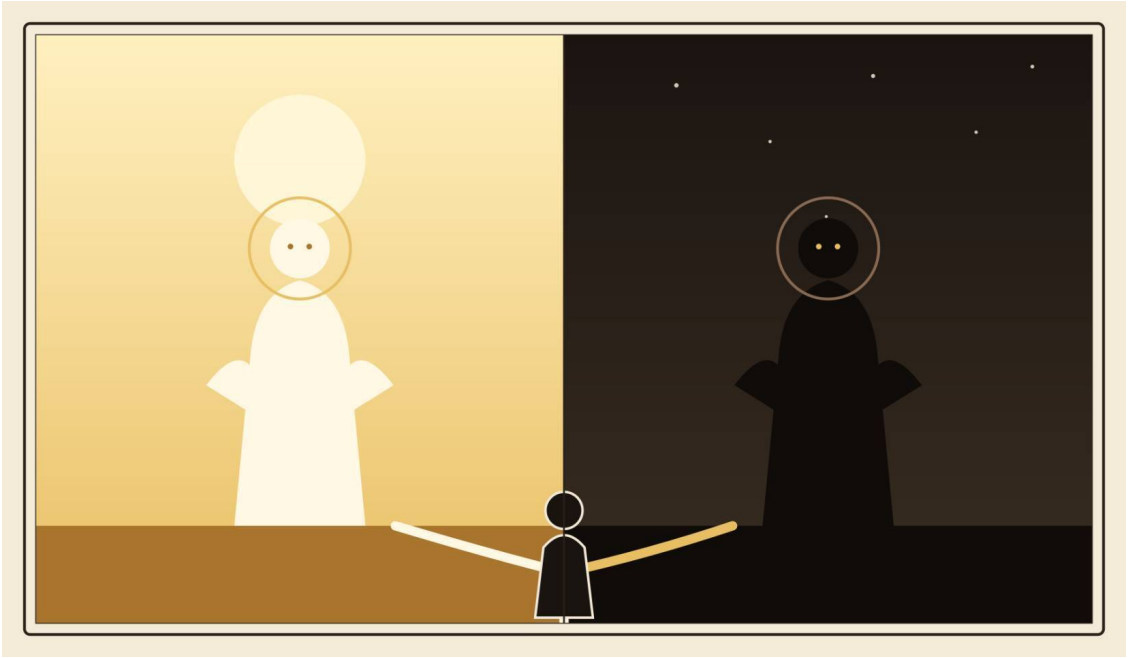
Кави посмотрел на него.

— Нет, — сказал он.

Он повесил рог на пояс и шагнул в воду. Холод сжал щиколотки, потом колени. Течение было сильным, но ровным. Он сделал ещё шаг, потом ещё.

Ноги слушались.

Часть вторая



Сказание о двух Духах

Пока существует только одно, противоположностей ещё нет. Чтобы появилось понятие света, должна существовать возможность тьмы. Чтобы познать жизнь, нужно узнать смерть.

В самом начале времён, когда не было ни света, ни тьмы, ни жизни, ни смерти, явились два Духа-близнеца, и были они равны по силе. Различало их только одно: каждый видел мир по-своему.

Один хотел создавать, давать жизнь, согревать и сохранять. Другой хотел разрушать, отнимать, разделять и уничтожать.

Они посмотрели на мир, которого ещё не было, и каждый увидел в нём своё дело.

Первый сказал:

— Пусть всё живое растёт и обретает смысл. Пусть будет свет, тёплый хлеб, дыхание детей и зелёная трава.

Второй ответил:

— Но если всё будет жить вечно, как узнать цену жизни? Если не будет потерь, откуда человеку знать, что он имеет?

Слова эти звучали как правда. Но в них уже была первая ложь, потому что цену жизни можно понять и без смерти, а смерть, которую Он предлагал, была не уроком, а пустой землёй, холодом и голодом.

Так между близнецами началось противостояние. И когда появился мир, вместе с ним появились два пути. Один вёл к созиданию, другой к разрушению.

Каждому из Духов предстояло выбрать, за что Он стоит. Оба могли выбрать иначе, и всё же выбрали. Первый выбрал добро и Правду. Он оделся в небо, как в одежду, и стал Духом Света. Второй выбрал зло и Ложь. Он взял себе худшую из мыслей и худшие из дел и стал Духом Тьмы.

Но выбирать пришлось не им одним. Рядом стояли и другие Духи, которым люди приносили дары у огня, старые Боги с громкими именами. Они тоже должны были выбрать, и Они стали совещаться. Пока Они совещались, к Ним подошёл Обманщик и шепнул слова, от которых Они ослепли. Они выбрали худшую мысль, и пока не поняли, что случилось, уже бежали к Ярости, которая отравляет жизнь смертных.

С тех пор каждый человек повторяет тот первый выбор. Не Боги за него, а он сам. Каждый день, в каждой мысли, в каждом слове, в каждом деле.

Глава 11. Плот

Дно ушло из-под ног так внезапно, что Кави не успел вдохнуть.

Он сделал ещё шаг, самый обычный, и вместо земли под ступнёй оказалась пустота. Холод сомкнулся над головой. Течение подхватило его, как тряпку, и потащило вбок и вниз, и мир сжался в шум, темноту и собственное сердце. Ноги слушались, он чувствовал, как они бьют по воде, но опереться им было не на что.

Чья-то рука схватила его за ворот. Потом вторая, за пояс. Кави вытащили на берег, как мокрого щенка, и он долго лежал на камнях, выплёвывая воду и глядя в серое небо.

— Ты сумасшедший, — сказал Фрада. Он стоял над ним по пояс мокрый, и пальцы у него дрожали. — Я же говорил, найти лодку.

Кави не ответил. Он смотрел на реку. Спокойная, ровная, она лежала всё там же, будто и не пыталась его утащить. Но теперь он видел то, что не заметил раньше. Вода двигалась тяжёлой, неудержимой массой, и сила её течения была такова, что не оставляла человеку ни малейшего шанса. На середине она шла гладкими, тугими складками, как мышцы под шкурой.

Кави вдруг понял, как глупо ошибся. Он был уверен, что решимости достаточно, что стоит только захотеть, и река расступится перед ним. А она даже не заметила его.

— Прости, — сказал он.

— Не мне, — буркнул Фрада. — Бура напугалась.

Собака сидела рядом, прижавшись боком, и вся дрожала.

Они разожгли костёр под скалой, высушили одежду, поели вяленого мяса из припасов Рагхи. Весь день они шли вдоль берега вниз по течению, надеясь найти лодку или переправу. К вечеру увидели, что по воде, у самого берега, медленно сносит что-то большое.

Это был плот. Он держался на надутых бурдюках, стянутых ремнями, поверх которых лежал настил из жердей. На плоту стояли три человека: мужчина, женщина и маленькая девочка, и все трое смотрели на берег, где не было никого, кроме них.

Мужчина заметил Кави и Фраду и что-то крикнул. Потом он взял длинный шест и упёрся им в дно, подводя плот ближе.

— Куда путь держите? — спросил он, когда плот ткнулся в камни.

Кави ответил не сразу. Он смотрел на девочку, лет шести, которая сидела на мешке и держала в руках глиняную куклу без лица.

— На тот берег, — сказал Фрада.

— И мы туда. — Мужчина кивнул на реку. — Меня зовут Тахма, это жена Зарина, это Ания. Пятый день плывём вдоль берега, ищем место, где тише. Нашли. Здесь вода хоть и сильная, но ровная. Если не бояться, пройдём.

— Что на том берегу? — спросил Кави.

Тахма посмотрел на него внимательно.

— Люди, — сказал он. — У которых огонь горит и ничего не просит. Так говорят. У нас в стойбище умер весь скот, жрец сказал, что мало приносили. А мы приносили всё, что было. — Он помолчал. — Теперь мы идём туда, где, говорят, не считают.

Фрада нахмурился.

— Нас двое и собака, — сказал он. — И конь.

— Конь поплывёт сам, привяжем его к плоту, — сказал Тахма. — Лошади хорошо плавают, только бы он не испугался. Но я перевезу вас не даром. За переправу я возьму коня.

Фрада посмотрел на гнедого, которого оставил им Рагха, на мешки, на ремни. Потом тихо, как говорят, когда не хотят передумать, сказал:

— Бери.

Он подошёл к гнедому и положил руку ему на шею. Конь повернул голову и ткнулся мордой в его плечо. Кави отвернулся: ему показалось, что он увидел то, что не должен был.

Они погрузили на плот мешки, собаку, самих себя. Гнедого привязали за длинный ремень, и Тахма первым шагнул на шест. Плот медленно отошёл от берега.

Сначала вода была спокойной. Бурдюки гудели, как большие барабаны. Потом течение дёрнуло, плот качнуло, и Кави вцепился в жерди. Ания тихо ахнула. Зарина прижала её к себе.

— Не смотрите на воду, — сказал Тахма. — Смотрите на тот берег.

Кави смотрел. Серая гладь тянулась перед ним, бесконечная, и ничего не было видно, кроме тумана. Он слышал, как позади с плеском плывёт конь, фыркая и тяжело дыша. Слышал, как скрипят ремни. Слышал, как Фрада, не отрываясь, смотрит на воду и шепчет что-то, не то молитву, не то проклятие.

Он думал о том, как легко было ему сказать «нет» отцу и шагнуть в воду. И как трудно то, что идёт после.

Тахма греб молча, без остановки. Шли долго. Солнце клонилось к закату, когда туман впереди чуть разошёлся, и Кави увидел тёмную полосу берега и первые огоньки. Они горели ровно, не мигая.

— Вот, — тихо сказал Тахма.

Плот ткнулся в песок. Гнедой выбрался на берег и встряхнулся, разбрызгивая воду.

Кави спрыгнул, и земля под ногами была твёрдой. Он постоял, привыкая к ней. Потом, не оглядываясь, вошёл в сумерки.

Глава 12. Огни

Огни, которые Кави видел с другого берега, оказались простыми кострами.

Их было много, они горели вдоль берега длинной неровной цепью, и у каждого сидели люди. Не воины и не жрецы, а обычные: женщины с котлами, мужчины с засаленными шапками, дети, которые гонялись друг за другом в сумерках. Пахло дымом, варёным мясом и мокрой овчиной. Где-то пела женщина, без слов, только мотив, как поют над люлькой.

Тахма с Зариной и Анией простились быстро.

— Мы к своим, — сказал Тахма. — Удачи вам.

Он увёл гнедого, и Фрада смотрел ему вслед, пока тот не растворился в темноте. Потом отвернулся и сказал глухо:

— Ну что.

Они пошли вдоль костров. Бура держалась у ноги Кави, настороженно поводя ушами. Никто не окликал их, никто не загораживал дорогу. Только один раз бородатый мужчина у ближнего огня поднял глаза, окинул их взглядом и кивнул на свободное место у костра.

— Садитесь, — сказал он. — Есть похлёбка.

Кави сел. Фрада остался стоять.

— Мы не из ваших, — сказал он.

— Здесь никто не из наших, — сказал мужчина. — Садись.

Похлёбка была жидкой, с ячменём и кусочками жира, но Кави не помнил, чтобы когда-нибудь ел что-то вкуснее. Он ел, а сам смотрел на огонь. Что-то в нём было не так. Он не сразу понял, что именно.

Огонь горел ровно. Никто не бросал в него масла, никто не лил молока, не клал ячменя и не шептал имени. Он просто горел, как горят дрова, а люди сидели вокруг и грелись.

У Кави в голове сложилось то, чему его учил дед: огонь голоден. Огонь должен получать своё, иначе он уйдёт и унесёт с собой тех Богов, которые приходят к нему. Он потянулся к поясу, нащупал там пустоту и вспомнил, что у него нет ни масла, ни ячменя. Он поймал себя на этом движении и испугался.

— Вы не кормите его? — вырвалось у него.

Мужчина посмотрел на него, и в глазах его мелькнуло что-то, похожее на усталое понимание.

— Он не просит, — сказал он. — Тот, кто к нему приходит, не просит.

— Кто к нему приходит?

— Увидишь. На рассвете. Он придёт к воде.

— Кто?

Мужчина только пожал плечами и подвинул Кави кусок лепёшки.

Позже, когда большинство людей легли, Кави пошёл искать Фраду. Тот сидел на отшибе, за кругом света, обхватив колени. Он смотрел на огни.

— Почему ты не у костра? — спросил Кави. — Там тепло.

— Мне и здесь хорошо.

— Ты боишься?

Фрада долго молчал.

— Помнишь, что сказал торговец? Что он спрашивает не «чей ты», а «что ты выбираешь».

— Помню.

— Я выбрал, — сказал Фрада. — Из-за этого род проклял меня. Отец не выходит из шатра. Брат остался там и рискует жизнью. А я сижу у чужого костра. — Он провёл ладонью по рубцам на запястье. — Если он спросит, стоило ли оно того, я не знаю, что ответить.

Кави не нашёл слов. Он сел рядом. Они долго смотрели на ровные, тихие огни, и ни один из них не спал.

Глава 13. Человек у воды

Они пришли с первым светом.

Сначала их было немного, потом всё больше: мужчины, женщины, дети. Они выходили из тумана и молча спускались к воде, где у самого берега уже горел небольшой костёр. Рядом, на плоском камне, стоял простой глиняный сосуд.

Кави сидел на склоне, чуть выше всех. Он не хотел подходить близко. Фрада остался у костра, и никто не позвал Кави вниз.

Тогда пришёл он.

Он оказался не таким, каким Кави его представлял. Не высоким, не грозным, не в сияющих одеждах. Мужчина лет сорока, среднего роста, с крепкими плечами и тёмной бородой, в которой уже пробивалась седина. На нём была простая рубаха из некрашеной шерсти, перехваченная кожаным поясом, и войлочный колпак, какой носят пастухи. Руки у него были большие и обветренные, руки человека, который привык держать и повод, и нож, и огонь. Только глаза не подходили ко всему остальному: тёмные, внимательные, они смотрели на людей так, будто спрашивали и ждали ответа.

Он ничего не сказал. Он подошёл к костру, опустился на колено и вылил в огонь немного воды из сосуда. Огонь зашипел, но не погас. Тогда он поднял голову и запел.

Кави не сразу понял, что это пение. Голос был негромким, чуть хриплым, без украшений. Слова шли ровно, как идёт человек, который знает дорогу. И люди вокруг повторяли их за ним, не все, а те, кто успел выучить.

Сначала он спрашивал. Он спрашивал негромко, без требования, как спрашивает ребёнок или очень старый человек:

Кто указал путь солнцу и звёздам?

Кто сделал так, что луна то растёт, то убывает?

Скажи мне прямо, Мудрый, я хочу знать.

Кави никогда не слышал, чтобы так говорили с Богом. Дед обращался к Богам, как к соседям, с которыми торгуются: я дам тебе это, а ты дашь мне то. Человек у воды ничего не предлагал. Он просто хотел понять.

Люди повторяли вопросы за ним. И по тому, как они повторяли, Кави понял, что многим эти вопросы нужны не меньше, чем ему.

Потом голос его изменился, стал тише и ниже, и слова пошли другие.

К вам, Властители, взывает душа коровы:

«Для кого вы меня создали? Кто сотворил меня?

Меня гонят яростью и насилием,

меня бьют и не дают пастись.

У меня нет другого пастуха, кроме вас.

Дайте мне того, кто будет беречь».

Кави замер.

Он не слышал этого раньше. Но слова были такие, словно кто-то прочитал то, что он носил внутри с того самого дня у стойбища.

«Есть ли будущее у того, кто живёт по Правде?

Скажите мне, Мудрый, я хочу знать:

кто защитит слабых от тех, кто сильнее?»

Горло у Кави сжалось. Он вспомнил рог на поясе, тот самый, из которого поил телёнка тёплым молоком, и как Гауш, совсем маленький, тыкался мордой ему в ладонь, требуя ещё. Он вспомнил, как бычок шёл за ним по тропе, не боясь, потому что знал, что идёт к тому, кто его не обидит.

Он почувствовал, что по лицу у него текут слёзы, и не стал их вытирать.

Песня шла дальше. Теперь в ней говорилось о том, что корова не хочет принимать ничьей помощи, а хочет только справедливости. И о том, что тот, кто поёт, готов взять на себя ответственность и стать её посланником. Кави слушал и не понимал половины слов, но ему казалось, что человек у воды поёт именно о нём.

Он вспомнил деда и тех Богов, которым приносили дары у огня, и ему стало вдруг страшно. Тот, кто пел у воды, не называл их по именам. Но Кави слышал, как в песне, между строк, сквозило что-то вроде тихого вопроса: *а вы, кому несут дары, слышали её плач?*

Песня закончилась. Люди расступились, и человек поднялся с колен. Он оглядел собравшихся, медленно, одного за другим, и на мгновение взгляд его остановился на Кави.

Всего на мгновение. Он ничего не сказал. Не кивнул, не позвал.

Но Кави понял, что тот видит его, не как внука жреца и не как беглеца, а просто как человека, который слушал и услышал.

Он вытер лицо рукавом и, не отрывая глаз от человека у воды, начал медленно спускаться вниз.

Глава 14. Вопрос о Гауше

Когда песня закончилась, к человеку у воды стали подходить люди.

Они подходили по одному, по двое. Женщина с младенцем спросила что-то тихо, он ответил так же тихо. Старик положил ему руку на плечо. Мальчишка лет десяти хотел что-то сказать, но застеснялся и убежал. Человек выслушивал всех и никого не торопил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.